

**ИДЕНТИЧНОСТЬ
И ГРАНИЦА:
НЕКОТОРЫЕ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ И ПРАКТИКИ
В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ
БАЛТИЙСКОГО МОРЯ**

*Н. М. Межевич**

В Европе и России на современном этапе общественного развития новую актуальность приобретают исследования, связанные с анализом и оценкой этнических и государственных границ. В течение последних трех десятилетий государственные границы в Балтийском регионе отличались стабильностью, чего нельзя сказать о европейских границах в целом. С точки зрения автора, ключевой причиной оформившегося кризиса в отношениях России и Европы стало демонстративное игнорирование российских интересов в сопредельных странах, образовавшихся после распада СССР. Однако эскалация конфликта была предопределена исторически и географически. Политические границы государств постсоветского пространства не совпадают с этническими, и поэтому попытки консолидации государств на базе этнической мобилизации встречают адекватное сопротивление групп с иной идентичностью. В Балтийском регионе данные процессы не проявились в украинском масштабе, но предпосылки для возникновения этнополитических конфликтов указанного типа существуют. Посткрымская политическая дискуссия в государствах Прибалтики показала, что сторонники жесткой ассимиляционной модели государственной идентичности преобладают в Вильнюсе, Риге, Таллине.

Цель исследования — анализ политических последствий конфликта существующих моделей этнополитической идентификации в пограничных пространствах в восточной части Балтийского региона. Результатом работы следует считать доказательство существования особого типа идентичности, характерного для приграничных регионов Балтийских стран. В рамках данной идентичности классической постмодернистской дилеммы «свой — чужой» недостаточно для адекватного научного анализа и тем более политического прогноза. Формирование особой, «двойной»,

* Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7—9.

Поступила в редакцию 15.05.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-3-7

© Межевич Н. М., 2014

«переходной» идентичности в приграничных районах может служить как инструментом укрепления государств и межгосударственных отношений, так и основанием для широкомасштабных конфликтов с плохо предсказуемыми последствиями.

Ключевые слова: границы, идентичность, постмодернизм, этнополитическая мобилизация, политическая ангажированность, Балтийский регион

Вопросы государственных границ не могут оставаться на периферии государственной политики просто потому, что границы обязательный признак государства. Мировая и европейская наука, представленная географами и историками, этнографами и международниками, уделяла и уделяет большое внимание этим вопросам. В XX в. исследования государственных границ становятся необыкновенно популярными. Этот интерес к границам был спровоцирован четырьмя дискуссиями. Отметим, что три из них имеют прямое отношение к Балтийскому региону:

1. Послевоенные границы (Первая мировая война).
2. Послевоенные границы (Вторая мировая война).
3. Распад колониальной системы.
4. Распад социалистического блока и СССР.

На практике проблема дихотомии государственных и этнических границ наиболее активно решалась в рамках территориально-политического разграничения по результатам двух мировых войн. По результатам Первой мировой войны на Балтике ряд границ были проведены без учета этнического фактора. Это относилось к германо-польской, польско-литовской, латвийско-советской, эстонско-советской границам. Характерно, что все они оказались источником нестабильности, военных конфликтов и подверглись коренной ревизии после Второй мировой войны. Их корректировка производилась уже в соответствии с этническим фактором. Новые германо-польские, польско-советские рубежи были проведены с учетом стратегических и этнографических соображений. Если же стратегические факторы вступали в противоречие с этническими границами, то корректировались этнические границы, в том числе такими способами, как депортации и оптация. Политическая и правовая оценка указанных событий является предметом для дискуссий, однако новые границы, как правило, основанные на совпадении этнических и политических рубежей, оказались стабильными и пережили те политические и экономические системы, в которых они были созданы.

Отметим, что в СССР исследования границ были крайне ограничены. Изучение границ в СССР воспринималось как «сползание в буржуазную лженауку — геополитику». Небольшая монография этнографа и малотиражный сборник географов из МГУ стали практически единственными работами по данной проблематике и библиографической редкостью сразу же после выхода в свет [1; 2]. Конечно же, после 1991 г. ситуация начала стремительно меняться и количество работ по лимнологической проблематике нарастать высокими темпами. Предваряя неко-

торый анализ современных теорий, следует признать, что длительная изоляция советской науки привела к тому, что после 1991 г. российская научная школа уже не смогла предложить оригинальных теоретических разработок, сосредоточившись больше на исследовании конкретных границ и пограничных режимов.

Рассмотрим внешнеполитический аспект проблемы, вынесенной в заглавие данной статьи. Стабильность границ, их статус, признаки определяются общим характером отношений тех государств или государственных объединений, которые они разделяют. В 1999 г. один из ведущих российских экспертов А. Макарычев писал: «Если Россия с геополитических позиций довольно быстро определила свое новое отношение к Западу, то тот пребывает в интеллектуальной растерянности и не располагает конструктивными идеями, которыми мог бы руководствоваться в политике по отношению к России» [3, с. 3]. Время было упущено, изменилось российское восприятие европейской политики, ожидания сменились разочарованием. В результате через 15 лет, преодолев «интеллектуальную растерянность» и продвигая «Восточное партнерство», коллективный «Запад» столкнулся с жестким ответом российского государства. Декларации последних 20 лет о приоритете наших интересов в СНГ, защите соотечественников перешли в плоскость реальной политики.

Политические процессы, стремительно развертывающиеся начиная с осени 2013 г. на постсоветском пространстве, или еще, точнее, на Украине, вызывают целый комплекс сложнейших вопросов, требующих объяснения причин сложившейся ситуации. В балтийских государствах, в том числе странах Прибалтики, Польше, Финляндии и, конечно же, Германии, развернулась масштабная дискуссия о генезисе, формах, методах и перспективах российской внешней политики. Одним из важных элементов дискуссии стало новое обсуждение проблематики границ в Восточной Европе и России в частности. Отметим, что для россиян, в том числе представителей научного и экспертного сообщества, многие вопросы, обсуждаемые коллегами, давно перестали быть новыми, хотя и остаются актуальными.

Рассмотрение границ Российской Федерации в существующих ныне границах показывает удивительную преемственность границ. На этих рубежах русское государство уже существовало в конце XVI — первой половине XVII в. Совпадение конфигурации границ Российской Федерации и Русского царства 400-летней давности (особенно в европейской части России) весьма значительно. Конечно, тождественность геополитического положения России конца XX в. и России XVI—XVII вв. является сомнительной, прежде всего потому, что границы это не единственный фактор, определяющий геополитическую характеристику государства. Тем не менее основными геополитическими факторами, определившими политику России в Балтийском регионе в XVI—XVIII вв. стали следующие:

1. Отсутствие у России надежных выходов к Балтийскому морю и как следствие — отсутствие военного и торгового флотов, ограниченные возможности для внешней торговли.

2. Проживание значительной части русского, православного населения в сопредельных с Россией странах, подвергавшегося национально-культурной, языковой и правовой дискриминации со стороны государств, где оно проживало. И соответственно тяготение этого населения к Москве.

Таким образом, Россия при Президенте В. Путине оказалась перед той же дихотомией этнических и государственных границ, что и при Петре Великом. Однако прохождение границ у Белгорода, Брянска и Ивангорода вызывает закономерные вопросы о том, почему Российская империя и Советский Союз, создав все предпосылки для формирования шести национальных государств в Восточной Европе, разрушился, оставив значительную часть населения, идентифицирующего себя как «россияне», вне российских границ. Как отметил С.В. Кортунов: «Нельзя ставить знак равенства между государством, каким был Советский Союз, и страной, которой является историческая Россия» [4, с. 11]. СССР распался, но историческая Россия сохранилась, причем далеко не всегда юридические границы России совпали с границей «русского мира». В регионе Балтийского моря эта проблема также существует, хотя, очевидно, не имеет такой остроты, как на Украине. Отметим также, что, несмотря на масштабные насильственные перемещения населения, этнические и политические границы не полностью совпадают и для «польского мира».

События на Украине четко показали, что в государствах, не прошедших адекватную времени политическую и экономическую модернизацию, вопрос о географии границ может перейти из теоретической в практическую плоскость. Для этого нужны определенные условия. Неэффективное государство — это часть причин, не менее важна история границ, этнический и этнокультурный состав населения, особенно на приграничных территориях.

Ключевой вопрос, связанный с проблемой государственных границ России в целом и России на Балтике, — это двойственность и взаимное несоответствие этнокультурной и территориально-политической идентификации. Именно поэтому события на Украине так внимательно анализируются в Латвии (проблема Латгалии), Эстонии (Северо-Восток), Литве (Вильнюсский район). «На приграничных территориях категория «идентичность» выступает в нескольких взаимосвязанных ракурсах: во-первых, идентичность как граница (граница между идентичностями в географическом пространстве), во-вторых, как взаимовлияние формальных границ (в первую очередь государственных) и идентичностей» [5, с. 131].

Эти процессы, как справедливо отмечает К. Зегберс, имеют достаточно четкую географическую привязку: «В странах Восточной Европы, где после 1989 г. шел процесс строительства нации-государства (nation building) и возникали новые государства, их роль, казалось бы, возростала. Однако на деле начиная с 90-х гг. она (практика строительства государств-наций. — *Н.М.*) была в структурном и сущностном отношении ослаблена» [6, с. 69].

Значимость исследований дихотомии этнических и государственных границ объясняется масштабной ревизией европейских границ в постялтинский период. При этом следует помнить то, что «две мировые войны сильно изменили очертания карт различных стран. 54,2% границ в Западной Европе образованы после 1910 г.: 24,3% датируются 1910—1924 гг. и 29,9% возникли после Второй мировой войны» [7, с.11]. Эти цифры тревожного 1989 г. Очевидно, сегодня этот показатель, с учетом распада СССР, Чехословакии и Югославии, только вырос. «Глобализация размыва «вестфальскую картографию», а с ней и четкие разграничительные линии между территориями» [8, р. 483—484]. Граница как рубеж и барьер постепенно эволюционировала в направлении развития контактной функции, но это проходило в сложных условиях: «...коллапс советского блока... распад Советского Союза... снова поставили Европу в фокус конфликтных ситуаций и напряженности» [9, р. 25]. Это было написано 22 года назад и является свидетельством того, что текущие проблемы были своевременно предсказаны, но не услышаны. Кризис и деструкция Югославии, Молдавии, Грузии не получили адекватного научного осмысления. Так, Джозеф Камиллери указал в 1990 г. на теоретическую составляющую складывающихся проблем: «Мы живем в период перехода к новой форме гражданского общества, где нет ясно очерченных границ, базирующихся на принципе национальной идентичности» [10, р. 35].

С этой формулой трудно спорить, однако не ясно, почему в условиях транзита идентичности возникают военные конфликты и пересматриваются границы? Дело в том, что борьба за государственные границы, оставаясь на острие мировой политики, уже не является единственным «фронтом» политического противостояния государств. Развертывается борьба на «втором фронте», где действительно нет ясно очерченных границ, а процессы этнокультурной идентификации, самоидентификации, реидентификации неуклонно политизируются. Как отметил В. Тишков, «идентичность — это не только постоянно меняющиеся представления о том, что есть группа, это всегда борьба за контроль над данным представлением, за дефиницию, за то, что составляет главные черты и ценности группы. Причем борьба не только политическая. Она идет в сфере науки и религии, в области языковых отношений, символики, исторических и территориальных представлений и т.д.» [11, с. 37].

Понимание этого обстоятельства присутствует и в Вильнюсе, Риге, Таллине. С точки зрения политической элиты Прибалтики этническая форма социальной идентичности самая важная для формирования государственной идентичности, которая в этом случае становится национально-государственной идентичностью. Однако навязывание национально-государственной идентичности встретило упорное сопротивление нетитульных наций. В результате фактически началась ассимиляция, прикрываемая лозунгами интеграции и государственного патриотизма. Именно поэтому ей уделяется столько внимания. Борьба с русским языком в этом контексте вполне логична, так как действующая

национальная идентичность базируется именно на языке как ключевом формальном признаке. Идентичность религиозная дает меньше возможностей для национально-государственной идентификации. В случае с Литвой и польским меньшинством данный фактор не работает вообще. В Эстонии и Латвии фактор религиозной идентичности исторически никогда не был главным. Впрочем, гонения на православную церковь Московского патриархата в Эстонии свидетельствуют о внимании правящих элит и к этому фактору формирования национально-государственной идентичности.

Национально-государственная идентичность представляет собой фундамент современного территориально-политического образования, отягощенного многочисленными комплексами «исторической памяти». Она формируется в результате взаимодействия элементов двух типов:

1) изначальных элементов политико-культурной матрицы (национальный менталитет, стереотипы, архаические идентификационные формы, неосознаваемые элементы социальных представлений индивида о собственной групповой принадлежности и т. д.);

2) государственного принуждения, то есть возможности государства воздействовать на процессы идентификации за счет применения идеологических, экономических и политических мер.

Итак, в настоящее время наряду с официальными границами возникают размытые, подвижные границы, которые по-разному складываются в различных сферах жизни общества. В частности, можно говорить о феномене идентификационных границ. Государственная граница России неоднородна, она может быть:

— ограничителем территориального «пространства безопасности» (boundaries);

— линией перехода на сопредельную территорию (borders);

— периферийной окраинной линией (margins);

— линией соприкосновения с соседями (frontiers);

— территорией, имеющей свою специфику, сформированную под воздействием тесного взаимодействия с соседями и мультикультурализма (borderlands) [12, p. 3—4; 13, p. 15].

В Балтийском регионе российские границы, как правило, мультистатусны. Границы с Эстонией, Латвией, Литвой в силу сочетания совместного прошлого и современной системы региональной безопасности и экономических союзов обладают всеми указанными характеристиками, включая пятую, имеющую явную постмодернистскую окраску. Российско-польская граница, сформировавшаяся под влиянием барьерной функции, стремительно увеличивает контактные функции, связанные с так называемым «упрощенным режимом». Добавим, что масштаб влияния контактной функции российско-польской границы на скорость формирования постмодернистского проекта контактной зоны весьма велик. В отсутствие «упрощенного режима» только десятилетия трансграничных связей с Финляндией смогли дать подобный эффект, то есть трансформацию линии соприкосновения с соседями в территорию, имеющую свою специфику, сформированную под влиянием тес-

ного взаимодействия с соседями и мультикультурализма. Рассматривая вопрос о том, с чем связано данное явление, несложно предположить, что возникающая полистатусность границы жестко зависима от общего климата двусторонних отношений.

Вместе с тем важна и историческая составляющая, особенно в тех случаях, когда новые государственные границы — это старые административные рубежи. Майкл Эмерсон так характеризует данное положение. По его мнению, Россия — «экс-империя поневоле», потерявшая большую часть своего влияния на пространстве бывшего СССР, но все же оставшаяся сильным центром, и ЕС — «империя поневоле», постепенно присоединяющая все новые и новые территории на пространстве Европы. А поскольку эти две империи существуют в одном и том же географическом и политическом поле, то взаимодействие между ними неизбежно. Если есть центр, то есть и периферия. Проблема в случае с Россией и Евросоюзом состоит как раз в том, что эти периферии частично совпадают. В соответствии с градацией Эмерсона «регионы пограничной Европы» делятся следующим образом [14]:

- Четко очерченные периферии (то есть области, где проходит «водораздел» между двумя «империями» и не возникает вопроса о статусе той или иной территории). Вероятно, к этому типу сегодня можно отнести все юридические (Литва, Латвия) и фактические (Эстония) границы с государствами Прибалтики.

- Интегрирующиеся периферии (то есть государства, которые стремятся к интеграции с одной из двух «империй»). До 2004 г. это государства Прибалтики.

- Разделенные периферии (то есть государства, поддерживающие связь с обеими «империями»). На Балтике примеров нет, на западной границе России это, конечно же, Украина.

- Частично совпадающие периферии, то есть образования, в которых общины, идентифицирующие себя как часть одной из «империй», находятся на периферии в другой «империи». Это Северо-Восток Эстонии, часть Латгалии.

Какие же концепции, объясняющие данную ситуацию, существуют? Ряд вопросов теории трансграничных исследований идентичности всесторонне проанализированы В. Попковым. Именно поэтому мы коснемся лишь тех концепций, которые в его ключевой работе не рассматриваются [15]. При этом согласимся с позицией В. Попкова, считающего теорию «диаспор катаклизма» [16] и рассмотрение в ее рамках новых границ на постсоветском пространстве неэффективным методом исследований. Существующие подходы и концепции «трансмиграции», также обладают ограниченной пригодностью для дихотомии государственных и национальных границ [17].

Несколько больше возможностей предоставляет подход транснационалистов к международным отношениям, который предполагает то, что международные отношения это — «все виды взаимодействий между базирующимися в пределах государства субъектами, осуществляемые с пересечением государственных границ» (all interactions between

state-based actors across state boundaries) [18, p. 284]. Транснационализм объясняет кризис внутригосударственных границ как внутри ЕС, так и в других интеграционных объединениях. Граница как барьер приводит к тому, что этот институт искажает логику экономических и политических решений в государстве, вследствие чего транснационалисты считают то, что с точки зрения рациональности принимаемых решений государства проигрывают негосударственным акторам [19].

Согласно традиции конструктористов культурная, или, точнее этническая, граница определяется результатом внутреннего социального конструирования, индивидуального и группового. Еще в 1969 г. Ф. Барт в работе «Этнические группы и границы: социальная организация культурных различий» использовал категорию «граница» для определения этнической группы. Ф. Барт и коллектив авторов сборника под его редакцией отмечали, что наличие этнических групп неизбежно предполагает пространственные границы, так как этнические общности, как правило, имеют пространственную локализацию. При этом укажем на важное наблюдение, сделанное Ф. Бартом в предисловии: «Устойчивость границ сама по себе не является проблемой и *якобы* (курсив наш. — Н.М.) предопределена изолированностью, которую порождают перечисленные характеристики — расовые различия, культурные различия, социальное деление и языковые барьеры, спонтанная и организованная вражда» [20, с. 11]. Итак, в соответствии с классическим подходом Ф. Барта, этническая граница отражает результат внутреннего социального конструирования или организации культурных и психологических различий в условиях взаимодействия данной этнической группы с другими группами. Действительно если границы фиксируют различия между двумя этническими общностями, то градиент этого различия масштабнее в том случае, если каждая сторона относительно пограничной линии может себя идентифицировать как носителей принципиально отличных ценностных и символических смыслов и образов [21].

Постмодернизм как исследовательский подход особое внимание уделяет границам как символическим, так и вполне реальным — картографируемым. Применительно к изучению границ один из важнейших теоретических постулатов постмодернизма — исследование процессов трансформации границ. Признавая некоторую ограниченность постмодернистского подхода, его ориентированность на неформальные границы в ущерб границам юридически оформленным, следует лишь частично согласиться с программным тезисом постмодернистов: «Отличительная черта пограничья — транскультурность, присутствие в культурном пространстве многочисленных Других, наличие разнообразных границ, вынужденность практик перехода этих границ» [22]. Указанный тезис применим не всюду. Однако именно на Балтике, а еще, точнее, в восточной части Балтийского моря такой подход приемлем.

Практика культурной самоидентификации в приграничных районах означает не только признание или полноценное осознание границ как культурного и политического феномена, ее норм и практик. Дело в другом: иногда граница выступает как универсальный маркер культуры. Так

выглядела в прошлом российско-китайская граница. Такая граница превращается в «рубеж», некий универсальный «предел». Благодаря наличию подобной границы культура жестко идентифицируется.

Возникает вопрос о том, что происходит, если граница разделяет не разные, а однотипные этнокультурные группы? Иными словами, что происходит с трансграничной этнической идентификацией по линии «Ивангород — Нарва», «Браслав — Даугавпилс», «Псков — Печоры — Таллин»? В этих случаях культурные и этнические маркеры близки [23]. Ключевые факторы, формирующие этническую идентификацию, как бы игнорируют границу.

Этот тезис особенно актуален в Балтийском регионе, где вопросы устойчивости границ в последнее время стали пересматриваться заново. Впрочем, и в Европе в целом этот вопрос обсуждается все более активно. Этнический регионализм новой Европы предполагает возможность (но не обязательность) наличия у каждой общности или его субъекта нескольких вариантов региональной этнополитической самоидентификации. Для Балтийского региона следует поставить вопрос о проявлениях вспомогательной идентичности, базирующейся на двух «эталонных культурах» или одной эталонной и одной вспомогательной. Именно так следует рассматривать этническую самоидентификацию в пограничных районах, на Северо-Востоке Эстонии и в Даугавпилсе.

Следует также отметить то, что категории «свой», «чужой», «другой», так часто упоминаемые в постмодернистском дискурсе, нельзя считать полностью и комплексно отвечающими задачам исследования идентичности в приграничных районах. В Балтийском регионе в ряде случаев формируются смешанные или переходные модели идентичности.

Рассмотрим эту ситуацию на примере города Нарва Эстонской Республики. Как оценить в категориях «свой» — «чужой», то есть идентифицировать человека, который дома разговаривает на родном русском языке, на работе в основном на эстонском. При этом у него в кармане российский паспорт и эстонская ID-карта. Со своим российским паспортом он может легко доехать до Владивостока, а ID-картой — до Лиссабона. В его мобильном телефоне две сим-карты, одна работает в российской, другая в эстонской сети. В российской армии он не служил, так как постоянно живет в Эстонии. И в эстонской армии не служил, так является гражданином России. Его работа находится в пограничной Нарве, головной офис в Таллине, фирма партнера в Санкт-Петербурге. К религии в протестантской или православной версии он одинаково равнодушен. Кто же он по отношению к доминантной идентификации в России и Эстонии, «свой» или «чужой»? К сожалению, в течение длительного времени как «чужой» он воспринимался и в Москве и в Таллине. Однако в условиях обострения межнациональных отношений это проблема Таллина, а не Москвы...

Подводя некоторые итоги, следует отметить то, что наиболее дальновидные политики еще в XIX в. рассматривали расширение границ государства именно в контексте единства границ этнической идентификации (самоидентификации) и собственно государственных границ.

В 1872 г. Отто фон Бисмарк, хорошо знающий как Россию в целом, так и Остзейские губернии, заявил, что он «не принял бы Прибалтику даже в том случае, если бы Россия сделала ему такой подарок». Канцлер Германии, в отличие от его преемников, хорошо понимал, что экономический и политический контроль над территорией еще не обеспечивает ее полноценной интеграции в германское государство, в «немецкий мир». Подобный подход означает, что попытки осуществления территориально-политического контроля силовыми методами, игнорирующими складывающиеся территориальные идентичности, в историческом плане не могут оказаться успешными.

С другой стороны, современный опыт Балтийского региона свидетельствует, что несбалансированная национальная политика создает потенциальные угрозы, в том числе не исключаяющие и возможности пересмотра государственных границ.

Список литературы

1. Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951.
2. Географические границы. М., 1982.
3. Макарычев А. Западные рубежи России: проблемы безопасности и транснационального регионализма // Рабочие материалы Центра Карнеги. 1999. № 8.
4. Кортунов С. В. Национальная идентичность: Постигание смысла. М., 2009.
5. Крылов М. П., Гриценко А. А. Категория идентичность в контексте проблемы приграничья // Вестник Российской академии наук. М., 2009.
6. Зегберс К. «Сшивая лоскутное одеяло...» // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 4.
7. Павлов Н. Германский вопрос и «общеевропейский дом» // МЭМО. 1990. № 6.
8. Devetak R., Higgot R. Justice Unbound? Globalization, States and the Transformation of the Social Bond // Intern. Affairs. 1999. Vol. 75, № 31. P. 483—484.
9. Border and Territorial Disputes / Ed. by J. Allcock, C. Arnold, A. J. Day. London, 1992.
10. Camilleri J. Rethinking Sovereignty // Contending Sovereignties. Redefining Political Community. Edited by R. B. J. Walker and Saul H. Mendlevits. Lynne Rienner Publishers. Boulder, London, 1990.
11. Тишков В. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.
12. Christopher S. Browning, Pertti Joenniemi. The Identity of Kaliningrad: Russian, European or a Third Space? // Paper presented at the CEEISA/RISA/NISA Convention, Moscow, Russia, June 22, 2002.
13. Julian V. Minghi. From conflict to harmony in border landscapes // The Geography of Border Landscapes / ed. by Dennis Rumley and Julian V. Minghi. London & New York, 1991.
14. Эмерсон М. Слон и медведь. Европейский союз, Россия и их ближнее зарубежье. М., 2002.
15. Попков В. Кросс-граничное русскоязычное пространство на территории бывшего СССР: подходы к пониманию // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров [и др.]. М., 2012. Т. 13.
16. Брубейкер Р. «Дiasпоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с роинами // Диаспоры. 2000. № 3. С. 6—32.

17. *A New Analytic Framework for Understanding Migration* // Glick Schiller, N., Basch L., Blanc-Szanton, C. (Ed.) *Toward a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*. New York, The New York Academy of Science. P. 1—24.

18. *Evans G., Newnham J.* Dictionary of International Relations. London, 1998.

19. *Андерсон М.* Границы Европейского Союза. Доклад на конференции «40 лет римским договорам: европейская интеграция и Россия». URL: <http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/anderson.html> (дата обращения: 01.12.2013).

20. *Barth F.* Introduction, in F Barth (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries The Social Organisation of Cultural Difference* London 1969. Рус. пер. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М., 2006.

21. *Межевич Н. М.* Границы российской идентичности и государственные границы России: общее и особенное в условиях глобализации // *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ* : в 10 т. / под ред. А.Ю. Мельвиля ; Рос. ассоциация междунар. исслед. М., 2007. Т. 2 : Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И. М. Бусыгиной.

22. *Бобков И.* Постколониальные исследования // *Постмодернизм: энциклопедия*. URL: <http://infolio.asf.ru/Philos/Postmod/postkolonial.html> (дата обращения: 01.12.2013).

23. *Идентичность и география в постсоветской России* : сб. науч. ст. / науч. ред. М. Бассин, К.Э. Аксенов. СПб., 2003.

Об авторе

Николай Маратович Межевич, доктор экономических наук, профессор факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: mez13@mail.ru

BORDERS AND IDENTITY IN THEORY AND PRACTICE OF THE EASTERN BALTIC REGION

N. Mezhevich*

* *Saint Petersburg State University*

7—9, *Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia*

Received on 15 May 2014

At the present stage of social development in Europe and Russia, studies analyzing and evaluating ethnic and national borders are of increasing relevance. Over the last three decades, the state borders in the Baltic region have been stable, which is not the case in Europe in general. The author believes that the key reason behind

the current crisis in Russia-EU relations is the conspicuous neglect of Russian interests in the neighboring countries that formed after the disintegration of the USSR. However, escalation of the conflict was historically and geographically predetermined. The political borders of post-Soviet states do not coincide with the ethnic ones and, therefore, the attempts to consolidate states through ethnic mobilization meet corresponding resistance from groups with a different identity. In the Baltic region, these processes have not reached the Ukrainian scale; however, there are prerequisites for ethno-political conflicts of this type. The post-Crimean political debate in the Baltic states has shown that that hardliners of a strict assimilation model of state identity prevail in Vilnius, Riga, and Tallinn.

This study sets out to analyze the political consequences of the conflict between the existing models of ethnopolitical identification in the border areas of the Eastern Baltic region. The main result of the study is that it has proved the existence of a special type of identity characteristic of border regions of the Baltic countries. In the context of this identity, the classic postmodernist dilemma of “us and them” is insufficient for a proper scientific analysis, and even more so for a political forecast. The formation of a special “double” or “transitional” identity in the border areas can serve both as a tool for strengthening of states and intergovernmental relations and as a ground for large-scale conflicts with hardly predictable consequences.

Key words: boundaries, identity, postmodernism, ethnopolitical mobilisation, political engagement, Baltic region.

About the author

Prof. Nikolai Mezhevich, School of International Relations, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: mez13@mail.ru